

ЧЬИ ПОРТРЕТЫ ВИДЕЛ ГЕРМАНН?

Морской и Гороховой (ныне улица Гоголя, 10).

Кстати, журналист Юрий Раков побывал недавно в этом доме, в нем теперь размещалась поликлиника. Утверждает, что расположение помещений в общем совпадает с тем, что видел Германн. Даже нашел большие часы Leroy Paris. Помните, у Пушкина: «По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы славного Лероу...»

И, наконец, Пушкин записывает в своем дневнике 7 апреля 1834 года: «Моя Пиковая дама в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. (атаблей) П. (етровной) и, кажется, не сердятся».

Можно понять и так: при дворе тоже «нашли сходство», которое Пушкин сознательно предопределил в повести.

ИТАК, прообразом «пиковой дамы» послужила Наталья Петровна Голицына (1741—1837). Урожденная графиня Чернышева. Дочь Петра Григорьевича Чернышева, сенатора и видного дипломата. Вышла в 1766 году замуж за красавца князя Владимира Борисовича Голицына. Умерла она по роковой случайности в годгибели Пушкина.

Когда поэт мог о ней столько прознать? Еще ребенком видел, вероятно, Наталью Петровну в подмосковной ее усадьбе Большие Яземы, что находилась в двух верстах от села Захарово — имения Марии Алексеевны Ганнибал, бабушки Александра Сергеевича. Хорошо познакомился с ней позже, в 1830-х годах, бывая на балах и приемах в ее доме.

А ввел Александра Сергеевича в дом Голицыной, на-

верное, ее внук, близкий его знакомый Сергей Григорьевич Голицын, бывший у бабушки своим человеком. Именно он и рассказал Пушкину о тайне «трех счастливых карт», якобы услышанной им от Натальи Петровны Голицыной. Быть может, почти дословно приведенной в повести от имени Томского.

ПОЭТ был хорошо знаком со многими представителями рода Голицыных. Так, был постоянным посетителем литературного салона Евдокии Ивановны Голицыной в Петербурге. А ведь ее портрет писала не кто иная, как... Виж-Лебрен! Поэтом Александр Сергеевич, столь коротко знакомый с Голицыной, не мог, очевидно, не обратить внимания на этот портрет, не мог не поинтересоваться, пусть даже мимоходом, его автором.

Ну, положим по тем или иным причинам не запомнил он этого портрета. Тогда он непременно должен встретить портреты других своих друзей и знакомых, писанные французской знаменитостью. Таковых я насчитал шесть человек. А еще Виж-Лебрен написала портреты дочерей Натальи Петровны Голицыной — Екатерины Владимировны Апраксинной в 1797 году и Софьи Владимировны Строгановой (с малолетним сыном), которую, кстати, Пушкин хорошо знал. Он посещал литературный салон Софьи Владимировны и, конечно же, ее знаменитую картинную галерею на Невском. Уж здесь-то ему непременно показали бы портрет хозяйки галереи; исполненный популярной художницей.

Поэтому можно с уверенностью утверждать, что Пушкин, всегда живо интересовавшийся изобразительным искусством, представлял, и,

вероятно, неплохо, творчество Виж-Лебрен. Не лучшее ли тому доказательство, что в «Пиковой даме» он не только назвал ее имя, но подробно описал две ее работы. Но какие то были портреты, ею созданные? Кого они изображали?..

Уж не Наталья ли Петровну и ее мужа Владимира Борисовича? В спальне — не в парадных апартаментах, не в столовой, в иных залах, — а именно в спальне, разумеется, должны находиться портреты самых близких родных — хозяйки дома, мужа, дочерей... Но дело в том, что Виж-Лебрен, оставившая вечности столько Голицыных, даже, повторяю, ее дочерей, ни Наталью Петровну, ни Владимира Борисовича не писала!

Итак, чьи же портреты видел в спальне старой графини Германн? Исследователи по-разному пытаются ответить на этот вопрос. Одни утверждают, что в повести указано «реальное имя художницы», то есть Виж-Лебрен, но «в сочетании с вымышленными героями», то есть изображенными на полотнах людьми. Тогда сразу же напрашивается: а, собственно, почему, упомянув произведения художницы, Пушкин не указал на вполне реальных людей, изображенных ею? Почему портреты должны были им вымышлены?..

Другие литературоведы полагают, что Виж-Лебрен запечатлела на этих холстах лица, существовавшие в действительности. Даже называют конкретные имена. Кого же? Екатерину Владимировну Апраксину. Да, да, старшую дочь Натальи Петровны Голицыной! Уверенно называют. И, казалось бы, не без оснований. Ведь французская художница писала ее — это факт бесспорный. Тогда ста-

новится понятным и то, почему портрет висел в спальне ее матери.

Все логично, все обоснованно, если б не... Словом, отыскал я в первом томе «Русских портретов», изданном в 1905 году, живописное изображение Екатерины Владимировны, исполненное Виж-Лебрен. Что ж увидел? А то, что она абсолютно не соответствовала описанию портрета, которое дал Пушкин в «Пиковой даме». Волосы Апраксинной были не напудрены и не зачесаны у висков, а, напротив, черные, взлохмаченные, они небрежно лежали на ее плечах. И розы в волосах не было, а вместо нее — тюрбан. А потом — никакого орлиного носа!

Выходит, не Апраксина изображена на портрете, который видел Германн? Кто же тогда?..

Хочу предложить гипотезу, оговариваясь, не беспорную. Пушкин в своей повести описал портреты самой... Натальи Петровны и ее мужа Владимира Борисовича Голицына! Но ведь, скажете вы, я как будто бы противоречу себе? Не я ли сам уверял, что Виж-Лебрен не писала их? Да, все это верно, и вы совершенно правы...

Но дело в том, что Пушкин представил в повести портреты, созданные не Виж-Лебрен, а шведским художником Александром Рослиным, в 1775—1777 годах жившим и работавшим в Петербурге. Именно он и написал в 1777 году портреты Натальи Петровны и Владимира Борисовича Голицыных, очень сходные с теми, что видел Германн в спальне старой графини. На одном портрете изображен мужчина лет сорока (Владимиру Борисовичу было тогда сорок шесть лет!), румяный и полный,

в светло-зеленом мундире. Правда, без звезды. На другом — молодая красавица (Наталье Петровне исполнилось тридцать шесть лет) действительно с характерным для нее орлиным носом, с зачесанными у висков напудренными волосами. Правда, без розы. Но с роскошными перьями в них и с ниткой крупного жемчуга, что на старых потемневших картинах вполне можно принять за цветы.

Каковы же основания для столь, как покажется, неожиданного предположения? Во-первых, Пушкин мог не знать, что портреты написаны Рослиным, художником, далеко не так известным и популярным, как Виж-Лебрен. Притом он работал в русской столице лет за двадцать до приезда сюда французенки. Поскольку именно она увековечила своей кистью многих из рода Голицыных, к тому же из ближайшего родственного окружения Натальи Петровны, то Александр Сергеевич мог невольно приписать ей работы забытого к тому времени Рослина.

Однако иное и более серьезное соображение могло руководить автором повести. Не сознательно ли назвал Александр Сергеевич портреты, написанные Рослиным, произведениями Виж-Лебрен? Более того, прибавив в них очень внешние, очень броские и пустяжные детали, которых в них не было: звезду — к мужскому портрету, розу — к женскому? Сколько Виж-Лебрен изображала мужчин со звездой и женщин с розой!..

Почему он мог так поступить? Чтобы не столь определенно в образе старой графини угадывалась Наталья Петровна Голицына, чтобы в какой-то степени смягчить «подозрения» совершенной

достоверности с «пиковой дамой». Пушкин не хотел, чтобы она, ее влиятельные родственники, царский двор, почитатели старой княгини поняли, что Наталья Петровна выведена в образе страшной, уродливой и скредной графини.

А ему было чего опасаться. Наталья Петровна Голицына пользовалась в обществе, особенно в дворцовых кругах, исключительным уважением и непререкаемым авторитетом. Побоялись ее за крутой и властный нрав, за жесткий характер, за непреклонность суждений, за острый язык. Худо, очень худо было человеку, который чем-то навлек на себя немилость княгини. Это могло кончиться для него плохо. А разве Наталья Петровна могла понравиться характеристика, данная ей Пушкиным? «Графиня... была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему. Она участвовала во всех суетностях большого света, таскалась на балы, где сидела в углу, раздумывая и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение балльной залы; к ней с низкими поклонами подходили приезжающие гости, как по установленному обряду, и потому уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо».

Поэтому, списав почти дословно образ старой графини с Натальи Петровны Голицыной, Пушкин все же некоторыми незначительными деталями как бы замаскировал эту несомненную достоверность. Поэтому, полагаю я, и портреты Рослина вполне намеренно назвал он произведениями Виж-Лебрен.

Евграф КОНЧИН.

● А. Рослин. «Портрет Н. П. Голицыной».